

Александр КАЗАРКИН

ТОМСК ЛИТЕРАТУРНЫЙ

К 60-летию Томской областной писательской организации

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НАЧАЛА И СВЕРШЕНИЯ

Писательская организация в Томске отмечает шестидесятилетие. Подготовлена книга «Томск литературный» – с обязательством осмыслить путь. Но литература в Томске существует около двух веков. Были взлёты, бывал и застой. Промежуточный юбилей обязывает хотя бы не утратить былой уровень. Надо избежать «головокружения от успехов», сохранить трезвость в оценках. Эпиграфом возьмём слова Г. Н. Потанина: *«Я приглашаю вас свободно высказаться в связи с судьбами нашей Сибири»*. Надо избежать, как выражался «дедушка-наставник», партикуляризма – замены общего частным, самоуслащивания, чрезмерного раздувания щёк.

Общесибирское литературное сознание – есть ли оно ещё? Инерция самозахваливания непродуктивна, гасит порывы к лучшему: всё уже достигнуто. А выделение главных имён из современного потока – дело всегда рискованное. О, сколько тут раздражения: кого-то не поставили в центр! Достижения есть. Изданы серии «Томская классика», «Литература народов Сибири» (14-томник) и ещё ряд книг, каких нет ни в одной области. Но одно дело – издать, другое – осмыслить. Если ставить всем «пятёрки», криво усмехнутся наблюдательные соседи. Они, новосибирцы, уже задали ехидный вопрос: «С чего это вы чуть не всю сибирскую классику назвали томской классикой? И Батеньков с Клюевым – томские классики!».

Но это давняя проблема: местные культурные гнёзда. В «русском освоении Сибири» наш город сыграл значительную роль, был центром громаднейшей губернии, и взяты только жившие в ней. Кто-то упрекнёт в субъективности оценок. Как будто возможны объективные оценки. Здесь оценочный потолок задан юбилеем. Без сопоставлений сибирский образ мира остаётся не отграниченным, и предмет описания расплывается.

Не спрятаться от вопроса: различаются ли сибирские области своей художественной продукцией? И не обойти стороной вопрос: глухая провинция мы или своеобразный голос? Критика – это дискуссии, самооценки. Без неё литературное развитие не обходится, но иногда она совершенно исчезает. А не вернулось ли застойное самодовольство? Когда все имена называют с воодушевлением, значит, все значительны.

Здравый смысл протестует: в искусстве уравниловка губительна. Тут критик-справочник превращается в рекламиста и славит всех подряд. Но и без-

оценочный обзор – это бухгалтерское перечисление: там-то родился, издал такие вот книги. А критика, она же не только «мёд лобзаний», но и «жало му- дря змеи». Её дело – выпалывать вездесущий сорняк литературщины.

Так вот, о культурных гнёздах. Целое столетие Томск состязался с Ир- кутском. В конце 19-го века это были два сибирских города с населением в пятьдесят тысяч. Чем закончилось это состязание? Согласимся с Валентином Распутиным: «Томск, благодаря относительной приближенности своей к пер- вопрестольной, издавна оспаривал у Иркутска славу лучшего и просвещён- го из всех сибирских городов, и не без успеха до революции претендовал на сибирскую столичность».

А первоначало сибирской литературы – это Тобольск. Там в 1789–1790 годы издавался первый сибирский журнал. Название его, «Иртыш, превра- щающийся в Ипокрену», говорит о запоздалом пришествии классицизма в Сибирь: в столичных городах уже чувствуется веяние сентиментализма. Клас- сической Ипокреной, рекой вдохновения, Иртыш так и не стал.

Второй период связан с Иркутском: влияние декабристов. А третий этап – в Томске, это школа Потанина. Григорий Николаевич твердил: оригинальной сибирской литературы не будет, если не обратиться к наследию *инородцев*. А будет она средне-серой, как в любой губернии. Что и произошло. И что сейчас никого не печалит.

Не будем спорить, Иркутск раньше выдвинулся в центр сибирской ум- ственной жизни. Это объясняли влиянием декабристов, но, может быть, ви- новат здесь капитал золотодобытчиков. В Иркутске выходила первая частная газета. Историк Г. И. Спасский издавал журналы «Сибирский вестник» (1818– 1824) и «Азиатский вестник» (1825–1827) – до декабристов; «Енисейский аль- манах» (1828) печатали в Москве. В Томске литературно-творческая среда на- чала формироваться только к середине XIX века.

В среде масонов-декабристов единственный сибиряк – Гавриил Батеньков. Он уже отмечал в сибиряках сознание себя как народа, отличного от других россиян. «Своя здесь мысль. Своё – одно – здесь чувство...» – заметил он в сти- хотворении «Надежда» (1846), но после амнистии Томск покинул. В Сибири он пережил радикальное масонство и романтический экстремизм.

А сибирские литераторы в первой половине 19-го века застряли в роман- тической экзотике. По словам Н. Ядринцева, «изображали из себя Фениморов Куперов» и населяли сочинения «злодеями, скопированными с французских романов». Сибирским Купером прямо называли Ивана Калашникова. И даже фигура Ермака, в прошлом удалого разбойника, не сразу вызвала отклики.

Один из зачинателей сибирской литературы – прозаик Иван Кущевский. В его прозе впервые отражена жизнь трудовой Сибири, увиденная автором «из низов». «Умственный пролетарий» И. Кущевский прожил недолго. Жизнь его – нужда и недуги. Куда успешней кажется судьба Николая Наумова. Народни- ки признавали его лучшим из писателей-современников.

Жизнь больших притрактовых сёл и переселенческих деревень Наумов знал лучше старожильческих заимок. Кулаки из старожиллов и чиновники на- живаются на темноте народа. Писал он и о жизни рабочих на золотых при- исках («Ёж», «Паутина»). Здесь увидел он крайности капитализации России...

«Своевременность, жизненность и реализм», «правдиво и ярко», – повторяющиеся отзывы современников. Вот с последней частью оценки нам теперь согласиться трудновато. Порой кажется, что писатель не чувствовал поэзию деревенского быта. Но это не столько недостаток таланта, сколько общая беда народнической литературы. Сравним любую книгу Наумова с тургеневскими «Записками охотника» – сразу станет видно, что народник исследует другие стороны крестьянского быта. Тенденциозность и правдоподобие тут в неразрешимом конфликте.

Чем же привлекает нас в начале 21-го века мир Николая Наумова? Речь о деревенских говорунов, мужицкой корявой мудростью, бытом и, конечно, знанием сословной психологии. «Юровая», «Крестьянские выборы», «Паутина» – источник знаний о сибирской глубинке конца позапрошлого века.

Деревенский взгляд на мир Наумов передавал через диалоги крестьян и рассказы людей типа «пройдисвет». Честность изображения реальности почиталась выше всякой «художественности»: её народники преследовали как неизжитый романтизм. Сборник «Сила соломѹ ломит» настраивал читателя на оптимистический лад, а после него Наумов видел деревню всё мрачнее. Об этом говорят даже названия его книг: «В тихом омуте» и «В забытом краю». Тяжела, если не безнадежна, атмосфера в очерковой повести «Паутина».

Кто-то скажет: Томск не дал великих писателей. Но именно здесь родилась идея сибирской самобытности. Г. Н. Потанин считал: «В Сибири родился писатель, но нет литературы». Установка на этнографическое описание Сибири ограничила художественный горизонт Потанина-беллетриста. Его повесть «Тайжане» (1872) осталась незаконченной. В рассказах «Блудный сын» (1878) и «Из переписки молодых друзей» (1882) он доказывал, что оторванность от родной земли порождает ощущение собственной ненужности. В числе первых «нужд Сибири» областники отметили создание местной интеллигенции.

Не раз писали: судьба была к Потанину жестоко несправедлива. Да, не удалось закончить университет, каторга и ссылка... но одолел ведь, книги оставил. Издать надо ещё много. Очерки путешествий – шесть томов. И большой том статей по этнографии. Плюс том статей по фольклору. «Восточные мотивы в западноевропейском эпосе» – томище чуть не в девятьсот страниц. А ещё «Сага о Соломоне» и «Ерке», их бы в один том спрессовать. В два тома можно уложить сибирскую публицистику. «Воспоминания» скомкал для газеты: не успеть закончить книгу. А материалы по истории Сибири? А легенды, сказки, эпос ордынцев? А сколько было приключений!..

Осень, возвращались из долгой экспедиции, шли вдоль Орхона-реки. «Харахорин», – пробормотал хмурый проводник и указал кнутом на земляной вал. «Чёрная ограда» по-монгольски, а тюркская параллель как будет? – Каракорум. Так не это ли развалины легендарного города, будто бы построенного Чингисханом? Но вот странность: в века могущества монголов столица их почему-то называлась по-тюркски. Китайские хроники упоминают Каракорум, столицу Уйгурского каганата, за пятьсот лет до Чингисхана. В Иркутске посоветовал Ядринцеву отправиться на Орхон. И удача ждала там старого друга:

нашёл параллельные надписи на древнетюркском и китайском языках. Орхонские надписи вскоре прочитали: да, здесь был Каракорум. В. Радлов перевёл хвалу каану Бильге: *«Пусть камень мой века стоит в степи на перекрёстке троп и кочевых путей, ведь именно затем, чтоб видели его, и воздвигал его Бильге-каан»*. Вот она, слава земная: камень-то стоит, а кто помнит Бильге-каана?..

Николая Ядринцева после смерти называли «печальником Сибири». Потанин написал в некрологе: «Ядринцев очень любил жизнь». А конец жизни? Доведён, сломался, разочаровался... Только близкие знали, что Николай Михайлович свёл счёты с жизнью в Барнауле. Написал перед смертью стихотворение «Прощание с родиной»:

Не узанный никем,
Я в дальний путь изгнания пошёл,
Но всё же край благословил свой милый,
Но имя прошептал страны своей любимой,
В которой голос мой ответа не нашёл.

Три года провёл под следствием в омской каторжной тюрьме. И понял здесь: тюрьма даёт шанс описать карательную систему изнутри. Здесь накопил материал для первой книги «Русская община в тюрьме и ссылке». Сколько бродяжьих сказаний накопила Сибирь! Неужели всё это уйдёт из памяти?

Книге «Сибирские инородцы» предшествовала серия статей и почти все под псевдонимом Семилужинский. Он понятен только для томичей. По коренным культурам русификация прошла, как паровой каток. Но главный нарыв Сибири – «колоднизация». То есть штрафная колонизация. Тут, мол, племена без истории, и мы им культуру принесли. Гнусные порядки, а оправдывать их, видите ли, благородно.

Долго собирал материал для главной книги – «Сибирь как колония». Смелый был выпад: к трёхсотлетию «Ермакова похода» знаток Зауралья доказал, что Сибирь стала колонией. *«Сибирь пережила все периоды, которые свойственны всем новооткрытым странам. Она была колонией звероловной, колонией горнозаводской, местом поиска золота, наконец, местом ссылки»*. У Сибири её судьба отнята.

Былой messiанизм уступил место отчаянию: «Сибирь – несчастная страна, которая должна быть искупительницей чужих неудач и чужих фантазий». Безнадёжно мутным показалось её будущее. Потанин одно твердил: здесь «формируются кости и мускулы живого организма». А через поколение будут взорванные мосты, и овраги завалят трупами.

Выходит, основатели областничества разошлись? У одного из них была школа: от Потанина пошло евразийство. В Ядринцеве побеждал скепсис, сибирская реальность всё больше угнетала. Главной задачей считал: объединить Сибирь... а впереди был страшный раскол, Гражданская война. Почти всех областников, переживших её, большевики перестреляли. Объявили мечту их реакционной, оболгали в энциклопедиях. И лишь к концу тёмного двадцатого века заговорили о «печальнике Сибири» без оглядки, не шёпотом...

Николаю Ключеву (1883–1937) судьба приготовила яркий взлёт и тяжкий исход. Обвинён клеветнически, казнён бессудно и подло (долго скрывали

факт расстрела). «Ах, заколот вещей лебедь На обед вороньей стае, И хвостом ослиным в небе Дьявол звёзды выметает!» Эти слова (из «Песни о великой матери») читаешь как эпитафию. Томск видел много ссыльных, а судьба Клюева всех трагичнее: уничтожено литературное завещание – последние стихотворения и поэмы, конечно, самые зрелые. В письме из Томска поэт сообщил, что написал в ссылке четыре поэмы и тетрадь стихотворений. Всё отнято и уничтожено.

Поэт, названный «отцом кулацкого стиля», был затравлен, и жаловаться было некому.

А я, как ива при дороге, –
Телегами разбиты ноги
И кожа содрана на верши.
Листвой дырявой и померкшей
Напрасно бормочу прохожим:
– Я златоустый и пригожий...

Из Томска ссыльный писал в Москву: «Пронзает моё сердце судьба моей поэмы «Песнь о Великой Матери». Создавал я её шесть лет. Сбирал по зёрнышку русские тайны... Нестерпимо жалко». В последний раз эта поэма, одна из вершин русского стихотворного эпоса, прозвучала в Томске. Об этом есть воспоминания Веры Ильиной. «Песнь о великой матери» – поэма-завещание, её основа – мотив покаяния осквернённой «Рассеи» и вера в Русь, очищенную. С большевистской точки зрения, она более «реакционна», чем «Погорельщина», которую ему вменили как «выпад озверелого кулачья». В тетрадках Клюева был ещё более серьёзный «криминал» – поэмы «Каин» и цикл «Разруха».

С конца 20-х годов лирический герой Клюева – это блудный сын на пути возврата, последний православный на земле безбожников. Последнее стихотворение («Есть две страны...») – образец крестьянского символизма: от земного, пашенного, к небесному. И даже тёмная *Рассея* — «страна грачиных озимей».

Народный поэт, вычеркнутый из жизни с клеймом *врага народа*, помогает нам оглянуться и понять, чем обернулась марксистская революция в крестьянской стране.

Я из ста миллионов первый
Гуртовщик златорогих слов.
Похоронят меня не стервы,
А лопаты глухих веков.

Итак, к концу 19-го века Томск стал центром литературного движения в Сибири. Здесь выходили лучшие сибирские газеты. Потанин создал группу «Молодая Сибирь». Из неё вышли первые сибирские классики: Шишков, Гребенщиков, Вяткин. Сибирские журналы и альманахи начала XX века редактировали литераторы, входившие в группу «Молодая Сибирь».

Вячеслав Шишков дебютировал в группе «Молодая Сибирь». В кружке Г. Н. Потанина он прочитал свои «Чуйские были», рассказы о Севере и первый ва-

риант повести «Тайга». В Томске написаны рассказы и очерки о жизни аборигенов «На Лене», «С берегов Нижней Тунгуски», «На Севере», «Помолились», «Страшный кам», «Суд скорый». Всё написанное Шишковым в Томске было черновиками народного романа «Угрюм-река».

Виднейший прозаик предреволюционного десятилетия Георгий Гребенщиков (1884–1964) жил в Томске в 1909–1912 годах, был членом редколлегии «Молодой Сибири» и секретарём журнала «Сибирский студент». О В. Шишкове написано несколько книг, а вот драматичная жизнь Гребенщикова, как и наследие его, остаются малоизвестными даже на родине. Причина: не принял большевизм, эмигрировал.

«Чураевы» – одна из вершин региональной эпопеи. Роман-река, с омутами, с берегами задебранными. Говорили: староверам, этому осколку былых веков, нет места в нашем веке. На советском жаргоне – сплошь кулаки, и этим судьба их предрешена. Финал может быть только трагическим: Василий Чураев вернётся в родные места, будет узан и схвачен как «контрик»... Он примеривается к разным путям и превращает жизнь свою в хождение по мукам. Слиться с народной стихией он уже не может: слишком много увидел озверенья. Вот и препона: народному роману нужно ощущение низовой правоты, а кругом безумие.

После первого тома «Чураевых» как-то сама выкатилась «Былина о Микуле Буяновиче» – роман-сказание. Забитый крестьянин пришёл в разбойничью ватагу, потом стал атаманом у «зелёных» и, ослепший в огне, обратился к Богу. Бунт, ожесточение, поиски выхода повели от одной жестокости к другой.

Прервал работу над большим романом, взялся за повесть о детстве и юности «Егоркина жизнь». Лирика особенно нужна там, где забывают родину. Полвека просилась повесть на перо, и вот сама вылилась на бумагу. Раздумье о мудрости низового, замордованного народа. Светлы они, видения нищего детства, такой капитал не растратишь.

Мотивная переключка главных произведений Шишкова и Гребенщикова говорит о литературной школе – потанинской. «Ватага» и «Былина о Микуле Буяновиче» созданы в разных странах, а переключки бросаются в глаза. Жуткие расправы Зыкова – это из народных рассказов, такое не выдумаешь. Четыре тысячи жило в уездном городе, в котором венчался Достоевский, – осталось две. Изображение красных анархистов работало на разоблачение «великого переворота».

На первый взгляд кажется странным, что для изображения Гражданской войны три ученика Потанина – Новосёлов, Гребенщиков и Шишков – обратились к такому материалу, как староверы. Они предвидели тяжкие эксцессы в момент слома инерции жизни.

В числе первых преемников Потанина в литературе – Александр Новосёлов (1884–1918), не успевший достичь писательской зрелости. Он был убит в Омске в разгар гражданской войны. Особый интерес проявил он к быту старообрядцев. В повести «Беловодье» (1917) Новосёлов опирался на их точку зрения: верность преданию и утрата веры. Движение к райски безгрешному Беловодью сопровождается чередой убийств. «Вдоволь там воды, вдоволь чёрной земли, и леса, и зверя, и птицы, и злаков всяческих, и овощу...»; «Всё по

старой вере. Народ русский зашёл, стало быть, с царя Константина». Люди несут в себе тёмные страсти и не готовы стать жителями свободной и безгрешной страны. Назад возвращаются те, кто захотел просто выжить. Тут можно видеть диагноз болезненного состояния русского общества и прогноз, ожидание катастрофы. Повесть была закончена в 1917-м году.

Георгий Вяткин закончил Томскую учительскую семинарию и работал в редакции «Сибирской жизни». Он стал одним из ведущих авторов «Молодой Сибири», но предпочитал печататься в центральных журналах, что раздражало Потанина. Первая книга «Стихотворения» (Томск, 1907) говорит о затянувшемся ученичестве. Во втором и третьем сборниках, «Грёзы Севера» и «Под северным солнцем», (оба вышли в Томске) влияние Бальмонта и Гиппиус ещё более ощутимо, хотя поэт-сибиряк декларативно отрещивался от «декадентов».

Столетия, как волны. Печаль их темна.
Их смутная песнь – бесконечна.
Шумит над безвестной могилой сосна
О давнем, забытом и вечном.

«Сказ о Ермаковом походе» – одна из вершин стилизации в русской поэзии.

Большевицкий переворот Вяткин не принял, и с 1918 года работал в колчаковской прессе. Увиденное в революционной России надломило его. В 1936-м году он опубликовал в «Сибирских огнях» исповедальный роман «Открытыми глазами», который был осуждён советской критикой как произведение антисоветское. В опасное время роман привлёк внимание к автору с репутацией бывшего колчаковца, и писатель погиб в лавине репрессий.

Вяткин – инициатор созыва съезда сибирских литераторов (1926 год), был членом Русского географического общества и Общества изучения Сибири. В советское время он издал сборники стихов «Опечаленная радость», «Чаша любви», и книги прозы «Золотые листья», «Алтайские сказки». В 1937 году поэт был арестован, облыжно обвинён в причастности к антисоветской организации и в 1938-м расстрелян.

Так же трагически закончилась жизнь Порфирия Казанского (1885–1937), поэта, публициста, видного общественного деятеля. Окончил юридический факультет Томского университета (1911-й год). Публиковался он в томских сатирических журналах, фельетоны печатал под странным псевдонимом «Премудрая крыса Онуфрий». Сотрудничал в «Сибирских отголосках», в журналах «Молодая Сибирь», «Сибирская новь» и «Сибирский студент». Во «Втором литературном сборнике сибиряков» (1908) опубликовал публицистические стихотворения. В 1912-м переехал в Барнаул, вошёл в редколлегию газеты «Жизнь Алтая», редактировал журнал «Алтайский крестьянин». Октябрьский переворот осудил как узурпацию власти, опубликовал протест против разгона Учредительного собрания и выразил радость по поводу падения власти большевиков. Он, крупнейший из поэтов, причастных к школе Потанина, посвятил Сибири цикл стихотворений. И тем, кто в кандалах твердил тебе проклятья,

Открыла молча ты широкие объятия, –
И проклинавшие тобой покорены:
Они не узники, они друзья и братья,
Поруганной земли суровые сыны.

П. Казанский в годы революции и Гражданской войны издал сборники стихотворений: «Песни борьбы и надежды» (1917) и «Родному краю» (1918). Один из авторов-составителей «Сибирской советской энциклопедии», в 1937-м уволен за «аполитичные уроки географии», вскоре арестован и приговорён к расстрелу.

В Томске начинал свой литературный путь «ловец легенд и сказаний» Александр Мисюрев (1909–1973). Свою первую публикацию (в газете «Красное знамя») он подписал: «Воспитанник детдома А. Мисюрев». А прославился после выхода сказовых книг «Бергалы» (1937) и «Легенды и были» (1938). Все эти годы собирал он по Западной Сибири ямщицкие легенды и горнозаводские предания. Из них составил цикл «Из преданий Московского тракта». Книга «Предания и сказы Западной Сибири» (1954) впервые представила легенды и были ямщиков Сибирского тракта. Сказы *горщиков* составили целую книгу «Легенды Горной Колывани». И сделано это было вовремя: народные сказы – жанр исчезающий. Собственные рассказы Мисюрева – последний всплеск стилизации, некогда столь характерной для русской прозы.

Было бы странно, если бы в Томске, городе первых сибирских вузов, не завелись фантасты. Их было несколько поколений. И все расширяли горизонты вымысла, границы фантастики. А интерес к ней в мире то возрастал, то падал.

Первый из них – Владимир Обручев (1863–1956). Он одиннадцать лет работал профессором Томского технологического института, с нуля создавал здесь горное отделение. А до этого прошёл десятки тысяч вёрст по нехоженным местам: Средняя Азия, Сибирь, Дальний Восток, Монголия, Тибет. Заметный след – пятитомная «История геологического исследования Сибири», трёхтомная «Геология Сибири», а ещё двухтомник «Полевая геология». И ещё десятки книг, а самой известной стала «Занимательная геология». В Томске сложились замыслы его романов и повестей. Мир перевёл их на разные языки, их читают на Востоке и на Западе.

Г. Н. Потанин пригласил молодого геолога в очередное своё путешествие, но смерть его жены, верной спутницы в экспедициях, оборвала намеченный маршрут. Пришлось одному, с проводником, почти не знавшим русского языка, пройти Монголию, часть Китая и Тибета. Откуда крылатые змеи на монгольских знамёнах? Кочевники видели в пустыне устрашающие скелеты ящеров.

В Томске написал первую повесть – «На столбах». Когда уволили из Томского политехнического и был безработным, захотелось пересоздать книгу Жюль Верна. В ней, в «Путешествии к центру Земли», есть несурaziца. Считалось, что Земля – пустотелый шар. Но в центре, конечно, скопились самые тяжёлые металлы. У Жюль Верна к центру Земли спускаются по жерлу вулкана. В «Плутонии» Обручева в гигантской пещере живут монстры-ящеры. Да ещё и пе-

щерные люди нашлись там. Ну, в общем, разные ступени жизни. Забава? Нет, путь к занимательной геологии.

А ещё привлекла северная легенда о неведомой земле. Читателей у «Земли Санникова» оказалось даже больше, чем у «Плутонии». «В дебрях центральной Азии» — ещё один стилизованный опыт: пришлось ввести приёмы приключенческой повести. А в основе — личный дневник путешественника. Окаменелости подстегнули фантазию, позвали в иные пределы. Перемещение в пространстве обернулось путешествием во времени.

С Томском связаны первые творческие опыты Александра Петровича Казанцева (1906–2002). По окончании Томского технологического института он работал в научно-исследовательском институте электромеханики. Совершил два арктических рейса на ледоколе, и это дало материал для нескольких романов — «Арктический мост», «Мол «Северный», «Полярная мечта», «Льды возвращаются». Там возник и замысел книг «Пылающий остров» и «Гость из космоса». Их назвали фантастикой *ближнего прицела*. Есть в них и черты «антиимпериалистической» публицистики.

«Фаэты» — сотни тысячелетий и время действия — вся Солнечная система. Планета Фаэтон, говорит автор, погибла из-за беспечности и самоуверенности. Диалогия «Возвращение в грядущее» состоит из романов «Тайна нуля» и «Донкихоты Вселенной». Как предостережение написана диалогия — книги «Озарение Нострадамуса» и «Ступени Нострадамуса».

Наиболее зрелые романы А. Казанцева — «Сильнее времени» (1973), «Фаэты» (1974), «Купол Надежды» (1980) — холодно встречены критикой, остались незамеченными. Хотя его называли главой школы советской фантастики. В эти годы Казанцев создал диалогию «Иномиры» и романы о судьбе утопистов: «Тайна нуля», «Донкихоты Вселенной» и «Спустя тысячелетие». В этом контексте выделяются историко-фантастическая диалогия «Звезда Нострадамуса» и автобиографический роман «Фантаст». К концу века с Запада хлынула волна фантастики иного рода. Интерес молодого читателя к фантастике «ближнего прицела» угас.

Манеру Виктора Колупаева (1936–2001) называли *гуманитарной фантастикой*. Наследие его не так уж велико, но известностью он превзошёл едва ли не всех фантастов послевоенной Сибири. Как новизну стиля Колупаева критики выделяли сказочность и лиризм повествования.

Первый рассказ, «Неудачная экспедиция», напечатал в газете «Молодой ленинец». Популярный журнал «Вокруг света» опубликовал рассказ «Билет в детство». Из него, по словам автора, «выкатилась» повесть «Фирменный поезд «Фомич».

Самые запоминающиеся его произведения («Качели Отшельника», «Ошибка создателя») вне укоренившейся традиции, в них перемешано реальное и невозможное. И закончил он свой творческий путь сочинениями, изобилующими знаками современности: «Пространство и время для фантаста», «Безвременье», «Сократ Сибирских Афин».

С точки зрения самого автора, признание заслужили поздние вещи — «Толстяк над миром» и «Год, как жизнь». Центральный герой везде человек одного типа. Виктору Колупаеву, пожалуй, ближе всех манера Рэя Брэдбери. Аркадий Стругацкий сказал даже, что сибирский фантаст пишет интереснее, чем Рэй Брэдбери.

«Толстяк над миром» относят к типу романов предупреждения. «Толстяк» несёт агрессию против Планеты (Природы), и она оборачивается для корабля самоликвидацией. Экипаж не успевает ничего понять. Повесть «Жизнь,

как год» автор назвал «фантастическим повествованием», но фантастическое здесь – чудо жизни. Не случайно же название одной своей книги он заимствовал у Пришвина – «Весна света».

В. Колупаев руководил томским Клубом фантастов и воспитал учеников. Таковыми признали себя Александр Рубан, Сергей Смирнов, Дмитрий Федотов, Татьяна Мейко. Некоторые из них ушли в сказово-игровую прозу, в фэнтези. Нет ли здесь разочарования в науке, даже шире – в идее линейного прогресса? Современная фантастика, почти вся, – эклектика, смешение всего со всем. Пишут о сказочно-магическом, ещё фантасты нового поколения выявляют в человеке срамное и непотребное.

Есть здесь и «доживание заветов» 19-го века, и порыв в будущее. Прежде всего в глаза бросается изживание классического традиционализма. С ним связано, как и везде, преобладание потерь над обретениями. Если брать тексты чисто количественно. Но история отбирает их по качеству.

Вот тридцать стихотворцев, а сколько среди них поэтов? Все, кто рифмуется и пишет в столбик? Книжки-однодневки легко комментировать, но это не хочется делать, если искусство в них и не ночевало. И когда четвёртая или девятая книжка ничем не отличается от первой, – раздражения больше, чем наслаждения. У многих литературный дебют затягивается на всю жизнь. А в публичных выступлениях – самодовольство, замозахваливание.

Дальше – современность, текущее настоящее. Кто осмелится назвать своё изложение современного хаоса историей? И первая забота – понимание болевых точек эпохи.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

БЛИЖНИЙ ВЕК

«Теперь тебе не до стихов, о слово русское родное» – как-то сами всплывают в памяти эти слова Фёдора Тютчева. И не хочешь, а соглашаешься с оценкой современности В. Распутиным: «Это даже не литературный процесс. Это поминки по литературе». Что искусство тускнеет и угасает, это твердят философы по всей Земле. Но страшно ведь представить Сибирь – обезголосевшей! Не говоря уж о России. Оценивать литературную современность всегда было трудно, а в нынешних обстоятельствах – тем более.

Но, кажется, «Сибирские Афины» захотели вернуть былую литературную славу? На такой вопрос наводит проект «Томская классика». Но где он, наш пик, где было цветение в XX веке? После революции был провал: прежнего статуса город лишился, в сущности, понижен был до уровня районного центра. А теперь окружение резко изменилось, Томск стал меньшим из областных центров Сибири. И всё же «интеллектуальная плотность» (шесть университетов в полумиллионном городе) подпитывает надежду. Есть подозрение (надежда), что в Сибирских Афинах ещё есть читатели. Но вот вопрос: кого больше – читающих или пишущих?

Мне, пишущему эти строки, пришлось участвовать в совещании сибирских критиков (в 2017-м году). Трудно было там погасить, спрятать иронию. Один за другим вставали посланцы разных городов – от Кургана до Читы – и пели дифирамбы своим областным корифеям, которых знали только они. Вот какво нынешнее сибирское сознание: все пишут о *своих*. «Знай наших» – лозунг нужный и правильный, но знание определяет горизонт обзора. Без понимания общего фона будет областное самоуслаждение. Оно характерно для местечкового сознания.

Да, сразу, первым пунктом встаёт проблема оценки: определись с масштабом. Ну хотя бы в общесибирском-то обзоре как смотрится наш драгоценный БН? Вся история литературы, хоть мировой, хоть региональной, изучается не по среднему уровню, а по верхнему. Оценки разнятся ведь не только по поколениям, – у каждого свои предпочтения. И кто осмелится назвать своё изложение нынешнего хаоса исторической хроникой?

Московские критики смело расставляют современников по рангам, но вспомним слова М. Бахтина, выдающегося литературоведа: «В оценке своего дня, своей современности люди всегда (!) склонны ошибаться (в ту или другую сторону)». Или завышают оценки, или занижают – по сравнению с потомками. А суд потомков должен длиться бесконечно, или конец литературе, тупик. А что понимать под современностью? Отвечают языком авгуров: «плюралистическое состояние слова». То есть – какофонию? Но эта тема никого не волнует. И на каждом шагу бьёт в глаза пресловутая *постсовременность*. Вот наше самосознание.

Что с поэзией, есть ли она ещё? Тридцать стихотворцев, все пишут столбиком и в рифму, а сколько среди них поэтов? Мера тут – самостоятельность

голоса. И рост, преодоление первоначального уровня. Увы, большинство принятых в Союз писателей профессионально не растут, застревают в фазе литературного дебюта.

Но прорывы в 20-м веке, несомненно, были.

Василий Казанцев (1935–2021) был самым молодым из первых членов томского отделения Союза писателей. Он с первых шагов хотел сохранить верность изначальному. И это ему удалось: лишних слов в его книгах не найти.

Эти песни – не плач и не гимны.

Это выше, чем плач или гимн.

Мне навеки остаться таким бы.

...Если можно остаться таким.

К какому направлению отнести его – это было не ясно. По происхождению вроде бы – к «деревенщикам», но где картины села? «В глазах моих небо» – так назван его первый сборник, изданный в 1962-м году. Затем он, филолог, работал в школе и газете. Следом выходят: «Лирика» (1962), «Прикосновение» (1966), «Поляны света» (1968), «Дочь» (1969), «Русло» (1969), «Равновесие» (1970), «Прощание с первой любовью» (1971), «Стихи» (1971), «Талина» (1974), «Порыв» (1977), «Дар» (1978), «Выше радости, выше печали» (1980), «Свободный полёт» (1983), «Рожь» (1983), «Прекрасное дитя» (1988), «Стихотворения» (1990), «Новая книга» (2000), «Смысл» (2000), «Счастливый день» (2004). А затем – «Избранное» (Томск, 2011). Стихи шли сразу не в ногу с бардовскими и «эстрадными». Узнаваемый образ мира – русский.

«А мир одним, одним лишь, друг, Одним, единственным лишь дышит: Когда же он чистейший звук, Звук сердца, счастья звук расслышит?» Спрашивают: каким веком рождён этот эстетизм? Стихи не вписываются в словесное недержание «шестидесятников». Более того, идут против духа века.

На взгляд Вадима Кожина, «Казанцев стал тем поэтом, без которого нельзя представить... современную поэтическую культуру». И ещё неожиданный вывод: В. Казанцев преодолевает противоположность крестьянской и дворянской поэзии. В старой терминологии это натурфилософская лирика. Без риторики и без наукообразности. Философская лирика без назойливой метафизики. Поэт учит нас ценить каждый миг, но и не забывать о вечном.

Привыкшие к искусственной сложности пожимали плечами: стихи слишком просты. Но простота эта прошла искушение сложностью. Вот одно из самых странных стихотворений о войне:

Над лесом гроза умолкает,

Глухая стоит тишина,

А он, непреклонный, не знает,

Что кончилась в мире война.

Что в тесной землянке лежит он,

Где так непроглядно темно,

Что прочно землёю укрыт он,

Что умер, что умер давно.

Поэт отбрасывает надуманные укоры в «олимпийской отрешённости»: «Слов чистейших вещество Не из чистого колодца Или там ещё чего, А из воздуха берётся». Поэт вынес простую веру из сибирской «глубинки», с нею прошёл сквозь чужой-свой век. Остался провинциалом в столице. Как говорили в древности, долгая память живёт в тех, кто смотрит из глубины. Лирика В. Казанцева – не «заглядыванье в глубину», а взгляд из глубины.

Продолжена ли эта линия? Геннадия Скарлыгина – соредатора журнала «Начало века», председателя Томского отделения Союза писателей России с 2006 года, автора семи сборников стихотворений – кое-кто относит к этой линии. Он убеждённый традиционалист, считает себя последователем рубцовской линии в поэзии. Произведения его вошли в Антологию русской сибирской поэзии.

К удачам его надо отнести стихотворения с экологической тревогой.

Помолись за несжатые нивы,
За бескормицу в отчете краю.
Слышь, в лесу топоры наточили.
Это жизнь вырубает твою.

Да, «всё унесёт река», но теплится надежда: что-то важное всё же остаётся. И что стихи сберегут даже «щемящее мгновенье этой жизни».

Сергей Яковлев – поэт из тех, чьё творчество принято относить к «тихой лирике». Сдержанность в чувствах, экономию в словах – это надо оттенить как главное. Ирония в стихах С. Яковлева отдаёт горечью:

И ничего-то нет хмельней,
Доверчивей и полновесней
Малопонятных юных дней,
Воссозданных вечерней песней.

Обычно короткое стихотворение С. Яковлев завершает афористической концовкой.

В 60–70-е годы самым известным томским писателем была Мария Халфина. *Сочувствие к человеку* – ключевые слова критиков, писавших о ней. Писала она о совместимости поколений. Не испытание любовью, а уживчивость детей и родителей, бабушек и внуков. Говорить о каком-то художественном открытии тут не приходится. «Простые истории» печатались со времени С. Аксакова. Но в сталинское время семейное чтение теплилось где-то на обочине, негде было взять текстов. В передовую советскую литературу редакторы и критики такое «мелкотемье» не пропускали. По партийным программам, «советская семья» – образцовая, передовая. Какие тут могут быть коллизии? А собственное поле Марии Халфиной – как раз изломы семейного быта, конфликт поколений. В обстановке «оттепели» она заново приоткрыла забытые страницы, а в них – простого обывателя. Тут житейская психология, пронизанная любовью именно к незаметным людям.

Есть ли преемники у Халфиной? Валентина Чубковец – автор нескольких книг прозы: «Всякое бывало» (2012) и «Не предавай» (2014), «Узы па-

мяти» (2017), «Цена свободы» (2022). Сама себя она называет ученицей В. Макшеева, но преимущество усмотреть трудно: жизненно-исторический материал совершенно разный. И манеры он требует другой. Переказ «простых» (домашних) историй – это художественный приём? Или «нулевая художественности»? Создаётся впечатление затянувшегося писательского дебюта. К сожалению, это порок многих членов Союза, далеко не юных. Но незамысловатые истории В. Чубковец пронизаны любовью к незаметным людям.

Ирина Неклюдова, прозаик, поэт и драматург, издала три стихотворных книжки, прозаический сборник её – «А вы попробуйте» – удостоен губернаторской премии. Её рассказы о природе несут умирание перед миром, в котором нет событий. И здесь трудно заметить литературную школу.

Споры вокруг наследия Бориса Климычева (1930–2013) начались давно и не затихают. Автор подсказывает: «Время – великий жулик». Гнетёт вопрос о ложной вере и сломанных судьбах. Мотив прощания с эпохой выражен странным словом «прощаль». На склоне лет Борис Климычев сказал: «Мне довелось пожить в двух веках», «...довелось самому повидать многое».

Родился писатель в Томске в рабочей семье, отец погиб в начале войны, и будущий писатель добывал средства к жизни, учился по вечерам в школе рабочей молодёжи. Служил в армии, в Ашхабаде начал печататься в молодёжной газете. Первые книги – стихотворные сборники. Б. Климычев – единственный томич, чьи стихотворения включены в антологию «Русская поэзия. XX век». И в книгах прозы поэтическое явно подавляет историко-краеведческое начало, крепкое в первых повестях. В 1996–2006 годах был председателем Томской областной писательской организации, руководил юношеской студией «Родник».

К прозе Климычев приступил уже в зрелом возрасте: книгу «Часы деревянные с боем» (1981 год) закончил в пятьдесят лет. Видимо, от первой прозаической книги через «Томские чудеса» (1994) и «Мой старый Томск» (1995) путь был не простой. И вот «Маркиз де Томск» преподнёс читателю захватывающие «страсти-мордасти». Город-то наш, и люди с такими именами известны, но томская ли это история?

Владимир Яранцев назвал его писателем «замечательным, ярким, многообразным в своём творчестве... Рассматривая три последних романа, в которых его необычный реализм достигает определённых высот («Кавалер Девильнёв», «Прощаль», «Надену я чёрную шляпу...»), можно заметить... неунывающее озорство человека предприимчивого, мастеровитого и бездонно талантливого...». «Грандиозные авантюры», говорит критик, но всё «как в жизни».

Не только ранние, но и последние книги писателя можно объединить под названием «Томские тайны»: «Любовь и гнев вора Подреза», «Маркиз де Томск», «Сибирский кавалер», «Странные приключения скромного томича», а продолжение, «Надену я чёрную шляпу», рассказывает о дальнейшей судьбе уже знакомого героя Глебика. На томском материале и не без авантюрной приправы написан роман «Корона скифа».

Это проза поэтического происхождения. «Кавалер Девильнёв» – в основе сюжета миражная интрига. Тут и скопцы, и прочие изуверы в узком пространстве. Монахиня-хлыстовка (!) зачала на радении ребёнка. Есть и разбойное

распрявление раба-художника, и неотразимая притягательность в монастырском блюде прижитой Даши, и тупая давилня государства, которую в своих масонских прожектах хочет преодолеть Девильнёв. Его работа над новой людской породой – предмет авторской иронии: европеец-гуманист в тёмной Сибири умер как-то обидно. Очевидно, от запора – объелся черёмухой.

Материал романа «Поцелуй Даздрапермы» – писательская среда, город с умственно искалеченными людьми, орущими лозунг: «Да здравствует Первое мая!». А смысл исторической эпохи – химера, бессмыслица. Всё называется не тем, чем оно является, и что все приняли как должное. Все живут не у себя дома, не понимая времени. Да, такими мы были недавно. И ещё не подвели итоги, даже не оглянулись, чуть высунувшись из «котлована». Россия долго отмечала национальную катастрофу как праздник.

В романе «Прощаль» кошмары Гражданской войны в Сибири укрупнены до предела. Автор перемешал реальное и фантастическое. В *сиропитательный* дом подброшен младенец, его назвали Николаем Зимним. Коля Зимний – жертва истории, предельный случай «маленького человека». Исторические персонажи: Г. Н. Потанин, ставший президентом независимой Сибирской республики, братья Пепеляевы, верховный правитель России адмирал Колчак.

«Прощаль» – балаган сменяется трагедией. Доморощенные критики пытаются вернуть автора в пройденный им этап. А вопрос о направлении ведь так и не задан. Когда пряностей много, а хлеба и воды маловато, на таком пайке долго не протянешь. Сам же Климычев сказал, что «по большому счёту, в литературе никого не обманешь».

Вопрос, однако, в другом: к чему при столь тяжком материале надуманные «загогулины»? Футуристическая картина «Прощаль» – символ химерного прожектёрства. Атмосфера абсурда, алогичность истории. Философствовать же ни сам автор, ни герои его не склонны. И религиозные вопросы их совсем не волнуют. Но доктрина человека в романах, конечно, сложилась, и она отдаёт мизантропией.

Некоторые читатели говорят о школе Климычева. Возникает соблазн отнести к ней исторические романы Сергея Максимова и Дмитрия Барчука. Они из самых читаемых томских писателей. Широкую популярность приобрела романная трилогия Максимова «След грифона», «Цепь грифона» и «Путь грифона» (издано в Москве). Автор одновременно живёт в нескольких творческих профессиях: режиссёр, музыкант, певец-исполнитель, выпустил несколько книг стихов, автор двух пьес.

Как прозаик дебютировал в 2010-м в столичном издательстве «АСТ» с романом «След грифона». Материал романа – важнейшие, переломные события в русской истории XX века: две мировых войны, революция и чудовищная Гражданская война. Возникает неизбежный вопрос: из каких архивов явилась судьба центрального героя Мирк-Суровцева? Трилогия С. Максимова использует приёмы боевика, где история – декоративный фон. И взыскательные читатели, не желающие уйти из истории, в жалком меньшинстве. Говорят: автор приблизил ушедшую эпоху к читателю. Пожалуй, так, но вопрос – о мере *сближения*. Неужели наша эпоха и та, дедов и прадедов, неотличимы?

В 2019-м году Сергей Максимов издал роман «Снег Матисса». Это роман о любви и об искусстве, о взаимовлиянии и отражении душ выдающегося ху-

дожника и эмигрантки-сибирячки. Роман ничем не похож на предыдущий, и стилистически отличается в лучшую сторону. Он дал основания говорить о возможностях прозаика Сергея Максимова.

Дмитрий Барчук (родился в 1962-м) – автор романов и повестей: «Майдан на двоих», «Новый старый год», «Орда», «Александрия», «Сибирская трагедия», «Идеальная жена», «Японские свечи». По прочтении их возникает вопрос: в какой мере это исторические романы? Автор, вчерашний журналист, торопится, печатает сыроватые произведения с невероятными допущениями. Много их в повести «Последний приют императора»: прямое отождествление Александра Первого со старцем Фёдором Кузьмичом, да ещё и споры его с Батеньковым. В романе «Грустина» древнерусская легенда о подземном городе сделана местной. При этом прозаик даёт исторический комментарий, внушающий молодым читателям «сокровенную правду»: Томск-де стоит на месте древнейшего города.

В заключении к «Сибирской трагедии» прозаик дал обширный исторический комментарий (из 571 пункта). Чем он оправдан – при небрежном отношении к фактам? Косвенно сказался и релятивизм постмодерна. Д. Барчуку не откажешь в сюжетной изобретательности, и пишет он много. И всё же не зря прежде говорили о *злоупотреблении дарованием*: целое поколение остаётся с урезанным историческим «пайком». И это направление пошло на убыль.

Вадим Макшеев (1926-2019) напечатал свои зарисовки и рассказы в районной газете «Северная правда», когда состоял на учёте в спецкомендатуре. Там, в ссылке, погибла его семья, там прошла юность. Об этом главная его книга. Как сказал сам автор, это о «сибирских деревнях ли, посёлках ли, которым не сказано последнее «прости». <...> Там, на крутоярах таёжной реки, прошла и моя подневольная юность. Рвался оттуда – не отпускала комендатура, затем не отпускал колхоз, уехал лишь через двадцать лет». «Всё проходило не по Шолохову. Кто, кроме меня, расскажет и напишет? Это мой долг. Звучит высокопарно, но это так. В «Архипелаге ГУЛАГ» немного написано о крестьянах, всего одна глава». М. Чудакова, известный литературовед, отметила: «Главное содержание исследования «Спецы» – картина гибели русского крестьянства от рук собственной власти. <...> Тот, кто прочтёт эту книгу, уже не сможет, мне кажется, остаться равнодушным к истории своего народа, к судьбам миллионов». Да, «затаённая боль о трагедии тысяч несчастных женщин и детей, привезённых с Запада на берега Васюгана». И это качество его памяти особо оттенил Виктор Астафьев: «Неся в сердце любовь и горькую память, Вадим Макшеев высветляет и эту горькую память свою, и сердце. Он, как и я, проживший годы, недожитые родителями, верит, как и я хочу верить, что их ещё надолго хватит».

В Томске в 2010-м году изданы «Избранные произведения» В. Макшеева в 3-х томах. Первый том («И мы поедем домой, в Россию») – это скорбная элегия, память о безоблачно-счастливом детстве, оборванном inferнальной силой. На фоне семейных фотографий. Том второй: судьбы и характеры ссыльных на фоне природы Нарыма. Книга-исследование «Спецы» – том третий. Его можно назвать ещё исповедальным: в нём «Записки провинциального писателя». Здесь и о печально знаменитом Колпашевском яре, страшная память которого была замолчана партийными инстанциями.

О судьбе эмигрантской семьи повесть «Разбитое зеркало», автобиографическая по материалу. «Усталая зрелость, пролетевшая молодость, горькая юность. И такое короткое детство. Начало жизни, когда нет тоски о прошлом и страха перед будущим, когда бытие, кажущееся вечным, безоблачное утро. Пробиваюсь к его свету, теплу, к маминой ласке. Сквозь боль, сквозь годы, которые уже не прожить лучше, безгрешней. Но относит, относит обратно неумолимое время, и нет сил преодолеть его течение». И в этом, не только в документальности, но и в отступлении от канонов литературы, секрет их убедительности.

Достоверность – неоспоримое достоинство прозы Макшеева. Но не надо думать, что Макшеев умел только свидетельствовать и всё брал из собственной памяти. «Я встретил Вас» – книга исторических очерков. Её героини – Екатерина Первая, Надежда Дурова, Екатерина Дашкова, Марина Мнишек, Мария Бочкарёва, Елизавета Кузьмина-Караваева (мать Мария), Марина Цветаева, Надежда Плевицкая, Анна Керн. Эти женщины оставили свой след в русской истории. Здесь же и о женщинах, скрывавших своё имя под псевдонимами, и о писателях-мужчинах, взявших женские псевдонимы.

Валентин Решетько (1936–2020), родившийся и выросший в посёлке «спецпереселенцев» на Васюгане, стал известен книгами «Черноводье», «На таёжных тропах», «Тяжкий крест», «Журавлиная песня», «Лавина». Рассказы и повести Решетько стали исследованием. Но это лишь фон для изображения жизни ссыльных, которую автор знал с детства. Жестокость людского мира отчасти уравнивает неяркая северная природа. Тяжкая участь – выживание в суровом краю болот и в суровое время (ссылка и война). Но человек ко всему привыкает, и есть заключение-парадокс: «Жизнь в аду страшна только со стороны». И гиблое место постепенно превращается в обжитый и даже любимый край. Автор всюду сохраняет крестьянский взгляд: «Сеногной, классический сеногной».

Над романом «Черноводье» прозаик работал несколько лет, хотя хорошо знал материал по семейным преданиям. Название отсылает по контрасту к утопическому сказанию о Беловодии. Роман посвящён раскулачиванию сибирских крестьян и судьбе сосланных в Нарыме. Роман выходил дважды в Томске и был отмечен губернаторской премией, а затем переиздан в Москве в серии «Сибириада».

Владимир Анисимович Колыхалов (1934–2009) рано остался без родителей и вместе с младшим братом Вениамином рос в детском доме на Васюгане. Об этой труднейшей поре он и рассказал в своём первом романе. А первая книга рассказов – «В долине Золотых ключей» – напечатана в 1962 году в Благовещенске. За нею последовали ещё три книги близкой тематики – разведка и освоение природных богатств.

В 1968-м издательство «Молодая гвардия» выпустило его роман «Дикие побеги», принёсший автору известность. Роман был сразу включён в серию «Молодая проза Сибири». В 1978-м Владимир Колыхалов был избран секретарём Томской писательской организации. Роман «Дикие побеги» не раз переиздавался, включён в антологию «Томская классика». Владимир Колыхалов создал ещё ряд интересных книг, наиболее известные из них – «Июльские заморозки», «Урманы Нарыма», «Кудринская хроника», «Сухой гром».

Сам Вл. Колыхалов так сказал о себе: «Видимо, справедливой остаётся та мысль, что чем труднее судьба будущего художника (в данном случае – литератора), чем больше ударов он пережил, перенёс, тем с большим правом можно считать, что эти невзгоды, лишения пошли ему на пользу...». Но первый роман остался самой значительной из его книг. Он не просто о трудном детстве, это портрет поколения, а ещё, можно сказать, нарымский образ мира. Любовь автора к хмурому болотно-таёжному северу неподдельна и выражена достоверно. Автор нашёл ёмкий символ для названия: дикоросы становятся стволами, обретают крепкие корни. Для романа воспитания труднейшая задача – завершение хроникального повествования. Это пороговая ситуация, проверка суровой реальностью. В романе «Дикие побеги» это первая в жизни Максима охота на медведя – испытание охотника на зрелость.

В 1988 году вышла книга «Урманы Нарыма», документально-очерковая по материалу. Здесь – раздумья о родном крае, о ремёслах и жизненном укладе «чалдонов». Автор, сын лесника, сказал об этом сам: «Я и писать-то начал под впечатлением тоски о нашем Нарымском крае...». Книга «Урманы Нарыма» – о судьбе тайги и старожилов Нарымского края. Без преувеличения можно сказать: самые удачные и душевно тёплые места в прозе Вл. Колыхалова – где речь идёт о тайге и таёжниках.

Самое значительное произведение Вл. Колыхалова, созданное в последние годы жизни, – «Кудринская хроника». Основной фон – тайга, и в центре её – охотник-промысловик Хрисанф Савушкин, человек, легко читавший страницы таёжной книги. Жизнь охотника и его помощников в тайге – собаки и коня – выписана с любовью и в тоне элегии. Последние книги Вл. Колыхалова дают право говорить о его вкладе в экологическую прозу Сибири.

Роман «Когти Дьявола. Тайны томского двора» вызвал неоднозначные отклики земляков. Некоторые посчитали несправедливой критику «томского двора». Обласканный обкомом писатель теперь сводил счёты с этим самым «двором». Хотя в перспективе критики советской элиты это нужное произведение. Оно встаёт в один ряд с «прощальными» текстами В. Липатова и В. Афонина, посвящёнными тому же материалу. Только нынешние ряженные коммунисты возмущены неуважительным изображением вчерашней «элиты». Но это, скорее всего, ностальгия по обкомовскому буфету.

Вениамин Анисимович Колыхалов родился в 1938 году в селе Кандин Бор Парабельского района, в семье спецпереселенцев – алтайских крестьян. Условия жизни были невыносимо трудные, когда братья потеряли родителей.

Вениамин перепробовал несколько профессий: работал в отрядах геологов, гидростроителей и нефтяников. Корреспондентом побывал на всесоюзных ударных стройках в Сибири. Автор романов «Тыловики» и «Тот самый яр...», нескольких стихотворных сборников, в том числе для детей.

Поэма «Парабельская ярмарка» – красочная акварель. *«Важно смотрятся кадушки – Деревянные подружки... Поспеши, честной народ, на болотный огород... Сибиряк бруснике рад, Читит таёжный виноград».* Тут и чалдонский юмор: *«Под осинами, берёзами Все друзья растут тверёзыми. Но засолят, подадут – сами к рюмочке идут».* Резкий контраст с тоном более поздних стихов, отразившим реалии грани веков: *«А теперь посмотрю – Всё вокруг скособочено. И ни му, и ни хрю. Вороньё на обочине».*

Роман «Тот самый яр...» – о мрачных 30-х годах века минувшего, о страшных событиях, развернувшихся в городке Колпашеве, туго-натуго набитом ссыльными. В 1979 году обвалился крутой обской берег, и обнажились трупы, уложенные слоями. Было приказано размыть берег, и мыли его несколько теплоходов. «Трупы были целые, разной величины». Они поплыли по реке, застревали в кустах.

Взгляд на национальную трагедию из двух эпох – очень ценная попытка. О красном терроре написано немало, от В. Зазубрина до Солженицына. Вен. Колыхалова заинтересовала психология рядовых исполнителей. Пришедшие «по комсомольскому призыву в органы» фальшь приняли за передовое сознание. Конечно, тему послереволюционного террора не исчерпает никакое произведение. И в отношении к этой теме мы, современники, – расколотое общество.

По-разному развивались братья Колыхаловы. Владимир лучшую свою вещь написал в молодости. Вениамин – в позднем возрасте. При очень близком жизненном опыте жанровый спектр и набор тем у них разный.

Сергей Заплавный (родился в 1942-м), прозаик, публицист, начинал как поэт. В начале 70-х опубликовал повести «Музыкальная зажигалка» и «Марейка» (с предисловием Виктора Астафьева). В 1975 году вышла повесть «Земля с надеждой», а затем «Рассказы о Томске» (1980), «Полдень» (1983), «Узоры» (1984), «Запев» (1986). В московских издательствах вышли исторические романы «Укрепи мою память», «Клятва Тояна», «Мужайтесь и вооружайтесь!». Критики особо выделяют историко-документальные книги Заплавного: «Рассказы о Томске», «Неистовый Ростислав», «Укрепи мою память», «Томск изначальный» (2020). Новейшие веяния в исторической романистике не увлекли Заплавного, он говорит о себе: «Я по сути своей – традиционалист, и надеюсь, что мой читатель смотрит на мир с тех же позиций».

Последняя работа С. Заплавного – повесть «Возвращение Сибири» – частично опубликована в журнале «Начало века» (2022). Это сплав художественного очерка, исследование-эссе, объединённое сквозным сюжетом. Повествование строится вокруг раздумий о Ермаке.

Тамара Калёнова (родилась в 1941 году) – прозаик и публицист. Первую книгу – «Нет тишины» (1963 год) создала ещё студенткой ТГУ. Вторая книга названа задиристо: «Не хочу в рюкзак», третья – более строго: «Временная учительница». Т. Калёнова, уже принятая в Союз писателей, вскоре издала повесть «Деревянный маузер». После этого она взялась за исторический роман «Университетская роща». Роман переиздавался несколько раз (Новосибирск, Томск, Москва). Ряд очерковых книг написала в соавторстве с Сергеем Заплавным: «Крылатый конь», «Тайна Серебряного ключа», «Пятая стихия бытия».

Вперекор нынешним разговорам о дефиците положительного начала в жизни Т. Калёнова сказала: «Положительных героев много – и в далёком, и в недавнем прошлом; думаю, есть и сегодня... И когда произошёл обвал эпохи, больше всего меня поразило забвение этих героев, отказ от них. На мой взгляд, это так же подло, как предавать детей...».

Александр Иннокентьевич Казанцев (1952–2007), поэт и прозаик, окончил Томский политехнический институт (специалист в радиационной химии). Студентом вошёл в литературное объединение «Молодые голоса», опубликовал стихи в альманахе «Поэзия». В Союз писателей СССР принят в 1984-м,

с 1987-го по 1995-й – ответственный секретарь Томской писательской организации, редактор альманаха «Сибирские Афины». Автор сборников стихов «Стиранные вьюгами поля» (М., 1978), «Рассветное чувство» (1981), «Радость и тревога» (М., 1984), «По закону сохранения любви» (1984), «Трудный возраст» (1987), «Из жизни дождя» (М., 1991), «Адамово ребро» (1997), «Приворотное зелье» (М., 1998), «Ласковая наглость» (2000), «Первый снег» (2002), «Поздний свет» (2005), «Между нами» (2006). Издал сборники рассказов: «Послушницы любви», «Озарения Нострадамуса», «Князь ласковый», «Месть шамана», «Слепой ангел». Написал три книжки для детей. Член-корреспондент Академии поэзии.

Мир А. Казанцева контрастен, часто рядом несовместимые чувства – вера и разочарование: *«А когда я ушёл от колодца, Оглушённый сырой тишиной, Вдруг услышал: колодец смеётся – Жуткий смех у меня за спиной»*. Мир природы – также через страстное переживание. Несовместимые эмоции – основа картины современности:

И в этом диком урагане,
Смешавшем прошлое и новь,
Костры и водка, и цыгане,
Стихи, Россия и любовь.

Михаил Андреев, поэт-песенник, написал о своих текстах целую книгу, переизданную несколько раз. Он отметил: *«Меня поёт даже Стас Михайлов»*. Автор стихотворных сборников «Лиственный свет», «Подранок», «Фотография на память». Автор хитов группы «Любэ» и «Иванушки-International» говорит о любимых многими песнях «Тополиный пух», «Трамвай-пятёрочка», «Самоволочка». Свою жизнь признаёт благополучной: *«А о чём мне ещё мечтать?.. Я стал членом Союза писателей СССР в 27 лет»*.

Но не все стихотворения М. Андреева «хитового» склада. Есть и раздумья, правда, не частые: *«Жизнь не идёт сама собой, и мало зрелищ нам и хлеба. Всё неотступней пред душой стоит безвыходное небо»*. Картины неблагополучия в природе также доступны его вниманию:

Кедровник начисто срубили,
А были кедры хороши,
Когда рубили, говорили,
Что рубят на карандаши.
Дымят встревоженные дали,
Ворчит обугленная даль.
Карандашей-то настрогали,
А что же ими рисовать?

Владимир Брусьянин (1953–2000) – поэт несомненно оригинальный, и с неблагополучной судьбой. Учился на филологическом факультете ТГУ, перепробовал много профессий, нищенствовал и, по отзывам друзей, мог быть только поэтом. *«Когда в кармане – ни гроша И гложет голод в голых стенах, Тогда*

поймёшь, что тленным телом Жива нетленная душа». При жизни Брусьянин издал три небольших поэтических сборника: «Ветви грозы» в 1993 году, «Обрешётка кровли» в 1994-м, «День третий» в 1997 – м.

В стране Поэзии состоятельность поэта измеряется горькой судьбой – способностью платить жизнью за слово высокой пробы:

Я, как нищий с мошной, поползу по дорогам
Чуть заметной букашкой под розой ветров
От порогов, пророков к порокам, морокам,
От крестов до крестов, от костров до костров.
Побреду наугад. Вехи – ветер да вечер.
Край пути – за холмом... С узелком на плече
Я пойду к синеве – ослепительно-вечной
Меж сосновых стволов и стволами лучей
В череде облаков... Дай-то Бог...

Четвёртая подготовленная им книга стихов появилась уже посмертно, в 2001 году. В. Костин написал о нём: «...увидев раз, забыть эту колоритную личность было невозможно. Он напоминал лося – лося, попавшего на Красную площадь во время парада»; «Он не рвался в победители каких-либо конкурсов или в Союз писателей, ни к наградам от каких-либо властей – он всегда оставался собой». В его исключительной независимости – вызов, а порой в отношении к литературной среде – нескрываемое презрение. «*Шепчите разборчивей!.. Плохо – Смотреть на других свысока? По-вашему, тухлым болотом Должна притвориться река?*» Овладев трудной формой, он тут же стал её разрушать. Жизнь его оборвалась, когда удалось пробиться в столичные журналы.

Ирония Брусьянина коснулась священного для русской поэзии – деревни: «*Сивка-Бурка щиплет сено. Деревушка на мази. Красно солнышко присело, Чуни хлюпают в грязи*». Поэт искал гармоничного разрешения «проклятых вопросов», и не нашёл его.

Да, если деревья полягут,
всю пустошь затянет паршой!..
Нам выпало гиблое время.
По роже не бьют – хорошо,
а плюнут – утрится газеткой,
и ладушки-лады... Но мне
как быть, если пьяной соседкой
ощерилась Муза в окне?

Ясно, что в этой лирике отложилось кризисное время, неблагоприятное для поэзии. Это неблагоприятие – основной мотив лирики Брусьянина: «*Что если, стоя в центре – я лишь на шаг от края? Вдруг не гребу к цели – только веслом играю?*».

Владимир Крюков (родился в 1949-м) – поэт и прозаик. Вырос на севере Томской области, поступил на историко-филологический факультет ТГУ и был отчислен, по его собственному определению, «за недоносительство». Стихи его включены в антологию «Пламень: Современная русская поэзия». Первая стихотворная книжка «С открытым окном» (1989-й год). В 1994-м – сборник «Созерцанье облаков». В 1999 году – книга стихов и прозы «Линия ветра». В 2005-м – книга «В области сердца». Позднее – сборники избранного: «Стихотворения», «...Вдруг скажется просто». Книга «Белый свет» удостоена губернаторской премии за 2016 год. Возглавлял Томское отделение союза российских писателей. Был соредактором (вместе с Г. Скарлыгиным) журнала «Начало века».

Первые опыты в прозе – в сборнике «Линия ветра», а позднее, в 2007-м – стихи и дневниковые заметы «Жизнь пунктиром». Затем книга рассказов «Мальчик и другие истории» (2014). В 2019-м издан сборник «Промежуток. Повесть и рассказы». Напечатана книга воспоминаний «Заметки о нашем времени» (2014 и 2018). Пейзажная лирика Крюкова созерцательна, с прорывами к философичности, правда, несчастными.

Стал привычен я к вашим рекламным щитам,
необидным пустой разговор стал,
даже в храмы вхожу, если вижу, что там
многолюдия нет и притворства.
...Оставаясь потерянным частным лицом,
по-ментовски сказать, гражданином,
кем я стал? Промотавшимся, что ли, отцом
или горько обманутым сыном?

В соавторстве с А. Сагалаевым В. Крюков издал книгу о Г. Н. Потанине «Последний энциклопедист Сибири». А в 2004-м – книгу о его друге и соратнике, расстрелянном большевиками: «Александр Адрианов. Последние годы». В следующем году, 2005-м, был опубликован цикл статей «Как размывали память». В основе – история Колпашевского Яра (издание томского общества «Мемориал»).

Николай Хоничев (1964–2019). Окончил биолого-почвенный факультет Томского университета. Студентом посещал литературное объединение «Родник». Первый сборник стихов «Любовь-переливница» вышел в 1995 году, а в 1997-м – второй сборник «Созвездие сирени». С 2000-го года член Союза писателей России. Наиболее полный стихотворный сборник – «Ходики дождя» – вышел в 2008-м году в Москве в серии «Поэтическая библиотека России». Во вступительной статье президент Академии поэзии В. Устинов отметил: «Не игра в литературу, а просто жизнь. Поэт не кокетничает, не скрывает, что считает себя лохматым и неуклюжим». Этой искренностью критик-наставник объясняет особую притягательность песенных стихов Хоничева.

Лучшие стихи его – о природе и о быстро текущем времени. *«Я путь пройду от А до Я – От Ани и до Яны. Ах, жизнь весёлая моя, Поляны и деляны. Пускай*

наш трактор и хрипит, Но счастлив я в итоге, Что лес, что речка, что стоит Избушка у дороги».

Николай Игнатенко (родился в 1946 году) – автор стихотворных книг «Три возраста любви», «Переход на осеннее время», «Приворотное зелье», «О свойствах страсти», «Роща», «Вариант судьбы», «Способ бытия», «Среда», «Монологи с тобой». Окончил механико-математический факультет Томского государственного университета, затем преподавал в нём.

В нынешнем литературном контексте лирика Игнатенко привлекательна своим жизнелюбием. Как сам он говорит, творчество для него – символ страсти. Почему-то поэзия – «распутная бабёнка» с «жаркими бёдрами».

Стихи не могут быть не о любви!
Поэзия, распутная бабёнка,
раскинув бёдра жаркие свои,
к себе прижмёт почти ещё ребёнка.
И не отпустит больше никогда...

Написано с вызовом и действует как тест на ханжество. Но, разумеется, стихотворения Игнатенко не только о «свойствах страсти». Есть мотив вины перед жизнью. Иногда, в самых сильных стихотворениях, поэт-сибиряк пробивается к философскому обобщению, но сторонится метафизической условности: *«Моя перебесившаяся плоть несёт душе покойное блаженство. Божественное это совершенство суетность чувств не может побороть».*

Финалист премии «Большая книга» филолог и журналист Владимир Костин (родился в 1955-м) имеет свой взгляд на современную литературу: «Сейчас идёт страшная война против человеческой индивидуальности во имя индивидуализма». А ещё он говорит о самообороне провинции в замолчавшей России. Книги Вл. Костина знают не только сибиряки. Его книги («Небо голубое, сложенное вдвое», «Годовые кольца», «Колокол и болото», «Коробок», «Дозорная пчела») критики в большинстве своём причисляют к интеллектуальной прозе. Себя он относит к последователям стоиков. Кредо писателя: «Если человек не разговаривает с мёртвыми, он ничего не стоит, как бы жутковато это ни звучало», – так выразился он в интервью. Такое мироощущение называют *посттравматическим*. Сказать, что мир Костина жесток, было бы преувеличением. Скорее, он печален. В славном нашем городе «рядом с исконной стихией мата образовалась гармония отличной русской речи», «налёт идеализма, приобретающий иногда прямо-таки беспощадный характер».

В романе «Колокол и болото» легендарный старец предсказывает наше время: «Никогда такого не было, чтобы люди посягали на родовые свои свойства, отказываясь от души, от дома, от семьи». Мир Костина – атмосфера внутреннего кризиса, человек в переломный момент жизни. Станислав Рассадин, критик с безупречной репутацией, назвал прозу Костина открытием последнего десятилетия. А Владимир Бондаренко добавил: «Уверен, что в русскую литературу пришёл крупный писатель».

Споря с «централистами», Костин замечает: «Но существует огромная онемевшая Россия. Онемевшая с тех пор, как замолчали Астафьев, Белов, Распутин, как ушли певцы своей земли». Владимир Костин внезапно удивил читателей: дебютировал как поэт. После шестидесяти лет! Всё-таки поэт Костин тянется к эпическому обобщению. Вершиной кажется поэма «Возвращение в Хонгорай». Название – память о древнем кыргызском каганате, когда-то могущественном.

Сергей Куклин (год рождения 1959-й) – прозаик, инженер-геолог по первой специальности. По окончании Томского политехнического института (1985) работал в поисковых партиях и на добыче полезных ископаемых в разных районах Сибири. За сборники рассказов «Там реки вместо улиц» и «Время собирать камни» в 2001-м году принят в Союз писателей. «Производственные» рассказы С. Куклина информативно насыщены и привлекают точностью изображения работы и быта геологов. Рассказы выросли из очерков, но прорываются к поэзии, расширяют наше представление о Сибири. К сожалению, это писатель одной темы. Заметного расширения плацдарма не произошло.

Ольга Комарова – поэт, журналист, актриса. Автор стихотворных сборников «Вечные странники», «Любовная песнь волчицы», «Ангел в ватнике». Есть двуязычное издание: «Две женщины – один мир» (Новосибирск, 2015). Победитель конкурса «Томск поэтический – 2013».

Стихи О. Комаровой драматичны. У неё есть своя интонация и раскованность, отдалённо напоминающая цветаевскую. Но главное – боязнь искусственности.

Думать то же, что и говорить вслух.
И шагами эту землю мерить.
И иметь хороший волчий нюх.
А не хватит нюха – верить.

Ольга Кортусова печаталась в различных литературных альманахах и коллективных сборниках. «Проживаю в городе Томске. Издала пять книг стихов: «Приглашение» (1999), «Шкатулка Клеопатры» (Томск, 2004), «Колыбельная для эпохи» (Томск, 2007), «Книга для птиц и людей» (Челябинск, 2007), «Простая песня» (Челябинск, 2010)». Публиковала стихи в журнале «Сибирские Афины» и «Начало века». К перечисленным автором сборникам надо добавить: «Новорождённая душа» (2013), «Ясынька» (2015), «Когда уходит снег во тьму» (2017). В книгах О. Кортусовой заметен поиск, вопрошание времени нарастает от сборника к сборнику. Претензии к эпохе есть, и выливаются они в иронию, порой доходящую до гротеска.

Самобытность и провинциализм – в каком они соотношении? Смог ли Томск выдвинуться успехами в литературе среди сибирских областей? Один кивнёт утвердительно, другой пожмёт плечами, третий качнёт головой отрицательно. Вот и вся дискуссия, вся критика. Тут впору сказать о безразличии к литературе. Об отходе её куда-то за горизонт.

Кто-то скажет о сомнительности выстраиваемых линий. Кто-то – о субъективности отбора. Но это же предмет полемики. А её нет, просто никаких отзвучиваний. Как будто читатель исчез напрочь. А это, конечно, не нормально. Будем всё же надеяться, что вернётся...